

Н. Н. Пикус

ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ЕГИПТА (КОНЕЦ III в. до н. э.)

Изучение обстоятельств, предшествовавших упадку такого крупного государства древности, как эллинистический Египет, несомненно, имеет значение, выходящее за пределы истории одной страны. Эпоха эллинизма является определенным этапом в развитии рабовладельческого общества¹. Однако более подробное изучение истории эллинизма в нашей науке еще только начинается. Сложность и разнообразие местных условий, большое количество внешних и внутренних событий, при почти полном отсутствии сочинений античных историков для первых восьмидесяти лет III в. до н. э.², затрудняют исследование. Однако надписи и в особенности открытые за последние 60 лет многочисленные папирусы дали возможность подробно изучить внутреннюю историю одного из эллинистических государств — эллинистического Египта, его экономику, социальные отношения и политическое устройство.

Буржуазные историки³ сетуют на малую удовлетворительность содержания дошедших до нас греческих папирусов, на их случайность, отрывочность и на то, что эти документы — преимущественно частного характера, не дающие оснований для обобщающих выводов. Несомненно, однако, что здесь дело не в недостатках источников, а в том, что буржуазные специалисты не имеют подлинно научного метода исследования. Что же касается времени правления Птолемея IV Филопатора (конец III в. до н. э.), то для этого периода истории Египта имеется такой источник, как «Всеобщая история» Полибия, не говоря уже о других авторах, сообщающих отрывочные сведения. Эти сведения дополняются и корректируются папирусами и надписями. Особенно важны для нашей цели Канопская,

¹ В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1939, стр. 305; А. В. Рано-вич, Эллинизм и его социально-экономические основы, ВИ, 1945, № 2, стр. 99—146; он же, Основные проблемы истории эллинизма, ВДИ, 1949, № 1, стр. 11—28; он же, Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии, ВДИ, 1947, № 2, стр. 28—39. Более подробно в этом же направлении трактует проблему эллинизма вышедший в свет, когда настоящий номер «Вестника древней истории» уже был набран, труд А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль», М.—Л., 1950.

² На это указывал еще Ф. Ф. Соколов, Третье столетие до Р. Х., ЖМНП, 1886, июль, стр. 1—16; «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910, стр. 243—259. Единственный античный литературный источник М. Iuniani Iustini epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi, охватывающий хронологически всю эпоху эллинизма, слишком краток и изобилует пробелами. Отрывки из других авторов, собранные преимущественно во F.H.G., освещают лишь отдельные эпизоды.

³ См., например, M. Rostovtzeff, The social and economic history of the hellenistic world, v. I—III, Oxford, 1941 — в главах об источниках и в других местах.

Питомская и Розеттская надписи, тебтюнисский папирус № 703 и ряд других папирусов меньших размеров, которые будут упомянуты ниже по ходу изложения.

Экономика, социальные отношения и политическое устройство эллинистического Египта, как они представлены в многочисленных и разнообразных по содержанию папирусах времени Филадельфа и Эвергета I, достаточно ясно показывают истинные причины, которые привели эллинистический Египет к упадку. Папирусы и надписи времени Филопатора рисуют яркую картину тяжелого состояния Египта накануне упадка и сообщают о мероприятиях птолемеевского правительства, энергично искавшего выход из создавшегося положения.

Чтобы правильно понять события конца III в. до н. э., необходимо все время помнить, что эллинизм возник в результате временного преодоления кризиса рабовладельческого общества, начавшегося в Греции в IV в. до н. э. Кризис был временно преодолен покорением Греции Македонией и последовавшим затем греко-македонским завоеванием более отсталого, чем античная Греция, рабовладельческого древнего Востока. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» писал: «Там, где *рабство* является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени...»¹

Первый из греко-македонских правителей эллинистического Египта, Сотер, с военной четкостью определил реальное положение нового, независимого Египта. Это была «страна, завоеванная копьем» (Diod., XVIII, 39). Процесс развития рабовладельческих отношений в Египте после греко-македонского завоевания изучен еще совершенно недостаточно. Однако ряд папирусов из архива Зенона, отрывки из александрийских законов *Dikaionata* и ряд других папирусов (P. Petrie, P. Hib. и др.) не оставляют сомнений в том, что с воцарением Птолемеев развитие рабовладения в Египте пошло более быстрым темпом; это вынуждены были признать с большими или меньшими оговорками даже и буржуазные ученые (Ростовцев, Гарн, Вестерманн, Прео). В Египте стали развиваться античные формы рабства. Не имея возможности в данной статье подробно остановиться на этом важном вопросе, вспомним, например, о шерстоткацкой рабской мастерской диойкета Аполлония в Мемфисе и о его фаюмском стаде милетских овец, снабжавших мастерскую шерстью и содержавшихся под присмотром рабов. Об этом рассказывают P. Cairo Zen.: 59003, 59142, 59145, 59195 и PSI 485 и 854. Характер фактов, которые они сообщают, указывает на то, что перед нами элементы античного рабовладельческого хозяйства. Они развивались, следовательно, на земле *en domo*. Рабов имели и клерухи, о чем говорят P. Petrie и другие папирусы. Рабов неоднократно покупали, главным образом в Сирии, и частично продавали в рабство военнопленных. О наличии значительного числа рабов в эллинистическом Египте свидетельствует и то обстоятельство, что существовал специальный налог на рабов, который сдавался в откуп (P. Hib., 29). Юридическое положение

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 450.

не рабов, по сравнению с положением в классической Греции ухудшилось, на что указывают александрийские *πολιτικοὶ νόμοι* (Dikaionomata). О большом количестве рабов сообщают и античные авторы. Интенсивная эксплуатация рабов применялась и в царском хозяйстве. Кроме папирусных свидетельств, вспомним трагический рассказ Диодора о труде рабов в царских рудниках (Diod., III, 12—14). Однако ход развития рабовладения осложнялся и тормозился, особенно в Египте, большими возможностями эксплуатации непривилегированного местного населения по праву завоевания, что облегчалось к тому же пережитками первобытно-общинных отношений, характерными для древневосточного рабовладельческого общества. Экономический подъем и внешнее могущество эллинистического Египта развивались на основе тяжелой эксплуатации относительно небольшой группой завоевателей огромных масс трудящихся: свободных непривилегированных местных жителей и рабов. «Процветание» эллинистических государств в III в. до н. э., о котором так любят говорить буржуазные авторы¹, было процветанием небольшой группы эксплуататоров. Экономическая реорганизация Египта, предпринятая первыми Птолемеями и нашедшая яркое отражение в многочисленных папирусах III в. до н. э., имела целью повышение доходов царской казны и численно небольшого класса эксплуататоров. Тяжелые и частые войны, которые вели Птолемеи в интересах эксплуататорской верхушки, вызывали огромные расходы и должны были ускорить разорение населения. В процессе развития местные эксплуататорские элементы, главным образом жречество, постепенно срастались с пришлыми эксплуататорами — разного рода чиновниками, откупщиками и воинами, так как к этому понуждал их общий классовый интерес. Недаром этническое обозначение «эллин» в эпоху эллинизма приобрело социальный смысл, став обозначением представителя господствующего класса, владеющего греческим языком и посещающего гимнасий, независимо от его этнического происхождения. Недовольство трудящегося и эксплуатируемого населения Египта выражалось разными способами. В упоминавшихся уже собраниях папирусов опубликовано немало документов — прощений, жалоб, раскрывающих неприглядную картину ограбления властями и привилегированными владельцами крестьян и ремесленников. Яркий пример такой практики дает текст PSI, 502, из которого видно, что крестьяне отказались убирать хлеб и укрылись в местном храме, обладавшем правом асиллии. Доля урожая, которую требовал диоикет Аполлоний — владелец участков, которые они обрабатывали, оказалась слишком велика. Бегство земледельцев и ремесленников с места своего жительства из-за непомерных тягот, пассивное сопротивление «эллинам» начиная со второй половины III в. до н. э. перерастают в восстания. Первое из известных нам восстаний относится еще ко времени блестящего царствования Эвергета I. О восстании сохранились только краткие упоминания, но единственная фраза о нем у Помпея Трога (в сокращении Юстина) весьма многозначительна: «[Птолемей] если бы восстание в Египте не вынудило его возвратиться, завладел бы всем государством Селевка» (Justin., XXVII, 1,9). Мы не знаем размеров восстания, которое, возможно, и не было значительным, но весьма показательно, как остро реагировал Эвергет I на это восстание: он вынужден был прекратить очень удачную для него III Сирийскую войну с Селевкидами, так как, очевидно, понимал всю опасность восстания в той обстановке, которая сложилась в это время в Египте. Социальное движение, слабое своей неорганизованностью и опасное постоянной возможностью превратиться в массовое, что

¹ См., например, М. R o s t o v t z e f f, ук. соч., т. I, стр. 407 сл., стр. 530 сл.

порою и случалось, со времени Эвергета I создавало затруднения во внутренней и внешней политике Птолемеев. Страна постепенно истощала свои ресурсы, технические же возможности в условиях рабовладельческого способа производства попрежнему оставались крайне низкими и возмещались растущим военно-административным нажимом, так ярко отраженным в папирусах второй половины III в. до н. э. Введение Филопатором медной драхмы уже указывает на начало финансовых затруднений.

Буржуазные историки, выясняя причину бедствий, постигших Птолемеев при Филопаторе, придают слишком большое значение отрицательным качествам изнеженного, склонного к лени и недальновидного молодого царя, пошавшего в руки коварного и жестокого интригана — временщика Сосибия, проводившего ряд мероприятий в личных интересах. Таким объяснением, идущим еще от Полибия, удовлетворяются, например, Буше-Леклерк и Бивен, сходную позицию занимает и Тарн, хотя и с некоторыми оговорками.

Распространенная в буржуазной науке (например у Вилькена, Эд. Мейера) точка зрения на социальное движение в Египте как на националистическое, руководимое жрецами, является одним из примеров модернизации древней истории. Необходимо отметить, что академик В. В. Струве уже в своей ранней работе «Развитие храмового иммунитета в птолемеевском Египте» (ЖМНП, 1917, июль—август, стр. 223 сл.) подчеркивал, что жрецы только использовали в своих интересах стихийное движение населения и в обмен на материальные уступки вступили в тесный союз с птолемеевским правительством.

Среди современных буржуазных исследователей следует отметить по этому вопросу позицию Прео¹. В своем очерке восстаний египтян при Лагидах она стремится разносторонне осветить вопрос, указывает на притеснения, которым подвергались египтяне. Однако и она говорит о «национальных» чертах движения, классовый анализ, предлагаемый ею, далеко не четок. Основываясь в значительной мере на работах Прео, Ростовцев также пришел к заключению, что эти восстания «должны быть приписаны общим условиям времени» (ук. соч., II, стр. 710). Однако «условия времени» остаются у Ростовцева механической суммой тех или иных одновременно происходивших событий внутренней жизни и внешней политики данного государства. Классовую борьбу он воспринимает с точки зрения модернизатора. Закономерности исторического развития рабовладельческого эллинистического Египта — государства, возникшего в результате завоевания, вызванного законами развития рабовладельческого общества, остались, как это естественно для буржуазного ученого, вне поля его зрения.

Царствование Птолемея IV Филопатора (221—203 гг. до н. э.) началось обычными дворцовыми убийствами, которыми молодой царь и его временщик Сосибий ограждали себя от возможных претендентов на власть (Polyb., V, 34). В числе погибших оказался и проживавший в Александрии бывший спартанский царь-реформатор Клеомен III, выступивший со своими приверженцами против Филопатора (Polyb., V, 34—39; Plut., Cleom., 33—39). Как видно из Полибия и Плутарха, Клеомен был замешан в придворных интригах и был опасен своим авторитетом у части египетской армии, состоявшей из наемников — выходцев из Спарты и Пелопоннеса. Первые шаги Филопатора и Сосибия во внешней политике характеризуются отказом в помощи Клеомену вернуть спартанский престол, что было ему обещано отцом Филопатора Эвергетом I. Это была новая

¹ Cl. Pr é a u x, Esquisse d'une histoire des révolutions égyptiennes sous les Lagides, ChE, № 21—22 (1936), стр. 522 сл.

внешнеполитическая линия, линия отказа от активной внешней политики. Полибий отмечает опасения египетских правителей, что Клеомен может усилиться в Элладе и сделаться опасным для внешних владений Египта, слабо связанных с метрополией (Polyb., V, 35, 9 — 12). Интересно отметить, что Эвергет I этого еще не боялся. Вскоре после вступления на престол Филадельфу пришлось выдержать тяжелую войну с Антиохом III Селевкидом — так называемую IV Сирийскую войну (219—217 гг. до н. э.), о которой подробно повествует Полибий в V книге своей истории. Война была тяжелым испытанием для эллинистического Египта, но закончилась блестящей победой Филадельфа в битве при Рафии (217 г. до н. э.). Это была последняя крупная победа Птолемеев. После войны, в которой египетскому правительству удалось отстоять свои позиции в Келесиирии, в Египте вспыхнуло восстание, продолжавшееся с перерывами все последующее царствование Филадельфа и подавленное только при его преемнике Птолемее V Эпифане. Подавлением восстаний и внутренними реформами, о которых в источниках, к сожалению, сохранились только намеки, наполнены годы правления Филадельфа после войны. Египет сохраняет до конца III в. до н. э. все свои владения и даже вмешивается в 208 г. до н. э. в греческие дела, изменяя на этот раз обычной для царствования Филадельфа внешнеполитической пассивности. Международное значение Египта было еще велико: в 215 г. в египетскую столицу прибыло сиракузское посольство, а в 211—210 гг. — римское. Но, верное своей политике, египетское правительство сохраняло во время II Пунической войны строгий нейтралитет.

В полосу неуклонного и неуклонного упадка эллинистический Египет вступает с самого начала II в. до н. э., сразу же после смерти Филадельфа. В период правления Филадельфа явных признаков этого упадка еще не видно, и только неизменная внешнеполитическая пассивность Египта в это время указывает на то, что в царстве Птолемеев и в это время уже не все было благополучно.

Греческая традиция, благоприятная в общем для первых трех Лагидов в целом, изображает четвертого Лагида — Филадельфа весьма отрицательно. Однако наш главный источник, Полибий, дает ему противоречивую оценку (Polyb., V и др.). Неоднократно упоминая о бездеятельности и развращенности царя, называя его даже недалеким, Полибий тем не менее часто указывает на активность Филадельфа в первые годы его царствования. Из анализа данных греческой традиции можно заключить, что сходный по отрицательным чертам характера со своим дедом Филадельфом, о котором греческие авторы отзывались положительно, Филадельф, царствовавший в более сложных условиях, получил суровую оценку главным образом потому, что в его царствование сказались общие условия, приведшие в последующие годы Египет к упадку.

Армия Лагидов состояла из наемников-иностранцев, получавших за службу земельные участки, обзаводившихся в Египте своим хозяйством и семьей, но не имевших права передавать эту землю по наследству. Эти наемники постепенно превращались в наследственно-привилегированную часть местного населения, которая в течение III в. до н. э. постоянно пополнялась новыми пришельцами, главным образом выходцами из различных областей Греции и Македонии, из малоазийских греков и т. д. Накануне и в период войны широко применялись в дополнение к наемникам-клерухам обычные наемные войска на жалованье. Средств у Филадельфа было достаточно, хотя богатства царской казны ни в коем случае не характеризовали уровень благосостояния массы эксплуатируемого населения. Не следует забывать, что более чем через 150 лет после смерти Филадельфа,

когда Египет находился в полном упадке, у последней его царицы Клеопатры VII тем не менее были колоссальные сокровища, которые выручали из тяжелого финансового положения ее победителя Октавиана, несмотря на то, что до него этими сокровищами пользовался Антоний. Иноземцами были у Птолемеев-Лагидов и военачальники, обычно выдающиеся командиры-наемники, на оплату службы которых тратились большие средства. Эти военачальники были смелыми и опытными авантюристами, чрезмерных успехов которых на военном поприще опасалось само нанимавшее их правительство. Полибий рассказывает о том, как правитель Сосибий опасался Клеомена, узнав о том, что последний авторитетен среди египетских наемников — выходцев из Спарты и Пелопоннеса (Polyb., V, 36 — 38). Вскоре после гибели Клеомена происходит измена полководца-наемника Феодота, перешедшего на сторону врага Птолемеев Антиоха III. Феодот был правителем Келесирии. Он перешел на сторону Антиоха III и обещал передать ему эту Птолемеевскую провинцию. Полибий (V, 40, 1 — 3) сообщает обстоятельства, побудившие Феодота к измене: он одержал победу над Антиохом во время его первого нападения на Келесирию и имел ряд других важных заслуг, но в Александрии Феодота чуть не убили; окружение Птолемея опасалось опытного военачальника, победы которого, с другой стороны, были необходимы правительству. Такая политика являлась следствием фактической изолированности правительства рабовладельцев и завоевателей от массы местного населения.

Между тем надвигалась война с царством Селевкидов из-за Келесирии — яблока раздора между двумя государствами, заинтересованными в обладании важными торговыми и стратегическими путями, проходившими через эту территорию. Готовясь к войне, египетское правительство прежде всего стало проводить усиленное комплектование и обучение армии, а также мобилизацию средств. Одновременно происходила дипломатическая игра в переговоры с правительством Селевкидов для того, чтобы задержать, насколько возможно, начало активных военных действий со стороны Антиоха III, так как наличной армии не хватало, — она была не вполне надежна и не вполне боеспособна. Для успешного проведения всех мероприятий необходимо было ослабление внутреннего напряженного положения в стране: более энергичное, чем ранее, привлечение на сторону правительства египетского жречества (среднего и высшего), некоторая идеологическая обработка населения, очередной обман его, так как птолемеевское правительство никаких коренных уступок по существу местному трудящемуся населению не делало, да и не могло сделать по своей классовой сущности.

Положение было напряженным еще при вступлении Филопатора на престол. Папирусы времени Эвергета I сообщают о многочисленных арестах неплательщиков: например, тебтюнисский папирус № 701 от 235 г. до н. э. сообщает, что по этой причине опустела вся деревня. Особенно важные данные об этом дает тебтюнисский папирус № 703 (стр. 215—222). Из него мы узнаем, что местным властям было предложено задерживать беглых египетских воинов (*μάχιμοι*) и матросов (*ναῦται*) и доставлять их в Александрию, конечно, для заключения в тюрьму. Хотя документ, содержащийся в тебтюнисском папирусе № 703, был издан, по нашему мнению, после IV Сирийской войны¹, однако в нем упомянута инструкция о беглых, обнародованная ранее и касавшаяся не только беглых воинов, но и вообще лиц, «покинувших работу», т. е. удалившихся в ἀναχώρησις, и подобных им. Перед нами упоминание об инструкции, которая предпи-

¹ См. ВДИ, 1947, № 1, стр. 249 сл.

сывала арестовывать беглых крестьян и ремесленников, спасавшихся от непосильных тягот. О том, насколько велико было число неплательщиков податей и беглецов, заключенных в александрийской тюрьме, говорит сообщение Полибия (V, 39, 4) и Плутарха (Cleom., 37) о попытке Клеомена освободить этих заключенных с тем, чтобы опереться на них в своей борьбе с египетским правительством во время восстания 219 г.

Проводя подготовку к войне в такой напряженной внутренней обстановке, Филопатор и Сосибий должны были задуматься о серьезной реформе армии. Перед правительством была сложная задача срочного формирования большой армии. Греко-македонских клерухов не хватало. Кроме того, реформа, узаконившая наследование отцовского клера сыном при условии, что последний продолжает военную службу отца, произведенная незадолго до этого времени (P. Lille, 4 от 218/217 г. до н. э.), действительно увеличила преданность клерухов, но, возможно, в то же время это несколько охладило их боевой пыл, так как увеличило их непосредственную заинтересованность в хозяйстве. По крайней мере на это косвенно указывает Франкфуртский папирус № 7, где один клерух жалуется царю на другого, который, в противоположность жалобщику, служившему во время IV Сирийской войны в действующей армии, устроился в тылу. Очевидно, некоторое количество клерухов ловко уваливало от своей основной обязанности — службы в действующей армии. Кроме того, непрерывное увеличение числа греко-македонских клерухов становилось опасным, так как это озлобляло местное население, в массе своей принужденное обрабатывать царскую землю на невыгодных условиях.

Возможно, что одной из причин восстания во время III Сирийской войны (P. Petr., II, XXIX, e. p. 101) была именно эта реформа Эвергета I: наделение клерухов землей и обращение в клерухов военнопленных.

Готовясь к войне, египетское правительство должно было подумать и о том, что если вся армия во время войны будет выведена за пределы страны, то угнетенное местное население может восстать. В этих обстоятельствах Сосибий и Филопатор пошли на риск и привлекли в армию египтян, что раньше не практиковалось. Этой мерой достигалось решение двух задач — армия пополнялась с наименьшим экономическим ущербом для местных жителей, так как мелкие земельные участки, которые теперь нарезались для новых воинов, поступали во владение египетских крестьян, а не пришельцев, так потеснивших местное население в III в. до н. э.; в то же время ликвидировалась опасность восстания в тылу, так как наиболее активные элементы оказались призванными в действующую армию.

Сосибий и Филопатор поделили между собой функции и деятельно готовились к войне. Предоставив Сосибию дипломатические переговоры и общую подготовку к войне, Филопатор сам принимал в ней активное участие. В III г. он был в Пелусии, в IV — в Бубастидском номе, в V — в Сирии, инспектируя строительство укреплений и проводя защитные мероприятия на границе пустыни, где открывались каналы и засыпались колодцы. По свидетельству Полибия (V, 62, 4 — 5), эти мероприятия заставили Антоха отказаться от предпринятого было им наступления к Пелусию. Во время последовавших затем с целью затянуть время переговоров (Polyb., V, 63, 2) Сосибий находился в армии в Бубастидском номе, где велась широкая подготовка к решительной войне.

Подготавливалась большая армия: 20 тысяч египтян, непосредственно подчиненных Сосибию, обучались впервые по македонскому образцу и образовали македонскую фалангу из египетских воинов (Polyb., V, 65, 9 — 10). Эта фаланга сыграла решающую роль в этой войне, но не изменила значительно основного греко-македонского состава птолемеевской армии, доходившей, по Полибию, до 70 тысяч человек. Опасность, что египетские

фалангиты, восстав когда-либо причинят правительству больше хлопот, чем прочие туземные воины-стражники (*μύχιμοι*), казалось, была не велика, так как командный состав был из «эллинов».

В процессе подготовки к трудной войне и без того тяжелые налоги, повинности и административный нажим на население возросли еще больше. Это ясно видно из сравнения тебтунисского папируса № 703 с данными папирусных текстов времени Филадельфа и Эвергета I (P. Rev., P. Petrie, P. Hib., P. Lille и др.). Наблюдается более строгий и мелочный контроль за сельским хозяйством и промышленностью с целью наибольшего сбора доходов. Отдельные мероприятия, например, проверка поступления доходов непосредственно по деревням (P. Tebt., 703, стк. 119), были нововведением, другие мероприятия были обобщениями опыта финансового администрирования последних лет, направленными к увеличению доходов казны. Это было естественным развитием птолемеевской системы эксплуатации. Усиление и централизация финансовой администрации ясно видны на примере изменений функций номового эконома, который, согласно с данными податного устава (P. Rev., col. 37, 2—5), при Филадельфе стоял на третьем месте среди других руководящих чиновников нома, а при Эвергете I оказался уже на втором месте (P. Petr., II, 42a; II, 138-a). Тебтунисский папирус № 703, относящийся ко времени Филопатора, показывает исключительный рост значения номового эконома и централизацию функций финансовой администрации, действовавшей теперь по прямым текущим указаниям из Александрии (P. Tebt., 703, стк. 235, 279). Население было разорено и озлоблено. Но часть населения была временно подкуплена зачислением в армию в качестве фалангитов.

Мероприятия египетского правительства оправдали себя на войне. В ожесточенной битве при Рафии 22 июня 217 г. до н. э. войска Антиоха были разбиты. Филопатор и Сосибий принимали личное участие в битве, которую выиграла обученная Сосибием египетская фаланга. Отборные сирийские войска не могли устоять против ее энергичного натиска (Polyb., V, 85, 6—10; 86, 1).

Что побудило египетских фалангитов так энергично сражаться на стороне Филопатора в критический момент сражения, когда войска Антиоха начали частично побеждать (Polyb., V, 84, 2 — 10; 84, 5)? — Их новое, более привилегированное положение воинов и, вероятно, обещания, на которые не скупился Сосибий и Филопатор перед войной и перед битвой (Polyb., V, 83, 6 — 7). Следует подчеркнуть характерную особенность царских речей с обеих сторон к своим воинам. С частью своих войск Филопатор и Антиох говорили через переводчиков (Polyb., 83, 7). Египетский царь Филопатор, не знавший египетского языка, через переводчика обращался к фаланге египтян, которая в данном случае собиралась бороться не за Филопатора с его привилегированными «эллинами», а за недавно полученные земли, которые египетские воины обрабатывали вместе со своими семьями, а наиболее зажиточные среди них, вероятно, и при помощи одного—двух рабов. Свое положение они рассчитывали улучшить и упрочить победой при Рафии. Однако какое-либо существенное изменение внутренней политики не входило в намерения Сосибия и Филопатора. Речь шла о лучшем использовании внутренних наличных ресурсов Египта, и в том числе его многочисленного эксплуатируемого трудящегося населения, которое попрежнему рассматривалось только как объект эксплуатации. Положение в Египте было напряженным. Полибий находит, что Филопатор только из-за любви к удовольствиям, из-за своей изнеженности готов был сразу заключить мир с Антиохом (Polyb., V, 87, 1—8). Однако совершенно ясно, что миролюбие Филопатора объяснялось прежде всего ненадежностью армии, не получившей всего обещанного.

стремлением поскорее распустить по домам египетскую фалангу, уже не нужную и даже опасную в связи с напряженным положением в тылу, в Египте. Важные данные о причинах столь поспешного заключения мира дает стела из Питома¹, где говорится об измене, совершенной командирами войск Филопатора после битвы при Рафии, что и побудило его заключить соглашение с Антиохом (стк. 25). К сожалению, надпись не сообщает о том, кто были эти командиры. Но противником Египта было такое же эллинистическое государство с теми же слабостями. Победенный Антиох так же, как и победитель Филопатор, боялся своего населения (Polyb., V, 87 — 2), боялся восстаний, боялся усиления активности претендента на престол Ахея. И мир, желанный для обеих царей, был заключен. Филопатор три месяца занимался организацией управления в неожиданно отвоєванных Южной Сирии и Финикии, а затем срочно вернулся в Египет, в котором начиналось восстание угнетенной и эксплуатируемой трудовой массы, к которой примкнули бывшие египетские фалангиты (Polyb., V, 107, 1 — 3).

Теперь птолемеевское правительство особенно нуждалось в поддержке или, по крайней мере, лояльности со стороны какой-либо многочисленной или влиятельной группы египетского населения. Птолемеи понимали значение жречества в Египте и считались с ним. Особенное внимание Птолемеи начали оказывать жрецам со второй половины III в. до н. э., когда начались первые восстания эксплуатируемой трудящейся массы египетского населения. Эта политика и положительная реакция на нее жрецов нашли свое отражение в знаменитом Канопском декрете 237 г. до н. э. (OGIS, 56). В то время когда бедное трудящееся население бежало из своих деревень от непосильных тягот, когда деревни пустели оттого, что их жителей арестовывали (P. Tebt. № 701 от 235 г. до н. э.), жрецы в высокопарных выражениях на греческом языке прославляли «богов Эвергетов» — царя и царицу за многие и великие благодеяния храмам, которые они оказывали, «не останавливаясь перед издержками и расходами», за возвращение в Египет священных статуй, некогда увезенных персами, и за то, что царь и царица «доставили благодеяствия всем жителям этой страны» (т.е. Египта) и т. д. (OGIS, 56, 10—15). Еще в большей мере стремился заручиться расположением жрецов Филопатор. Для этого нужны были дальнейшие уступки жречеству — формальные и фактические. О них повествует нам текст стелы из Питома, на которой был вырезан декрет жрецов, принятый ими в Мемфисе в ноябре 217 г. до н. э. по случаю победы при Рафии. Этот текст имеет, по сравнению с Канопским, любопытные особенности. Декрет написан по-египетски и только переведен на греческий язык, тогда как Канопский декрет, наоборот, был написан по-гречески и переведен на египетский язык. В Мемфисском декрете Филопатору присвоена титулатура египетских фараонов, чего нет в декрете в честь Эвергета I. Из декрета мы узнаем, что Филопатор после победы при Рафии овладел огромной добычей, в том числе в золоте, серебре и в других драгоценных предметах (стк. 14). Вернувшись в Египет, он совершил поездку по храмам страны (стк. 15), принеся жертвы и распределяя многочисленные доходы в большей степени, чем это делали прежде, и оказывая особое уважение египетским богам (стк. 17—23). Он дал много золота и драгоценных камней для изготовления и реставрации статуй и тому подобных вещей. В декрете говорится, что царь расточал множество благодеяний жрецам, персоналу храмов и населению Египта (стк. 28—30). Последнее утверждение является, разумеется, риторическим украшением, как это было и в Канопском декрете, но в щедрых

¹ H. S o t t a s, Notes complémentaires sur le décret en l'honneur de Ptolomé IV, «Revue de l'Égypte ancienne», I, Fasc. 3—4, 1927, стр. 230—242.

дарах жрецам сомневаться не приходится. Жрецы оказались более надежной социальной опорой для Филопатора, чем египетские воины, на которых теперь распространилось название $\mu\acute{\alpha}\chi\eta\mu\omicron\iota$, ранее обозначавшее стражников. Это вполне понятно, так как жрецы принадлежали к классу эксплуататоров-рабовладельцев, а масса египетских воинов ($\mu\acute{\alpha}\chi\eta\mu\omicron\iota$) — к угнетенному, эксплуатируемому населению крестьян-общинников — царских земледельцев, материальное положение большинства которых фактически мало отличалось от материального положения рабов, несмотря на то, что эти земледельцы арендовали земельные участки и имели свое хозяйство. Яркую картину разорения земледельцев при Филопаторе дает текст тебтюнисского папируса № 703: земледельцы подавлены злоупотреблениями местной администрации; они платят в царскую казну высокую арендную плату, многие из них полностью разорены; многие земли остаются совсем не засеянными, другие — обработаны и засеяны плохо (стк. 40—63).

Эксплуатация ремесленников, находившихся в еще более стесненном положении, чем крестьяне, тоже дала свои отрицательные результаты в это время. Масляная и льняная царские монополии работали плохо, о чем сообщает этот же текст (Р. T e b t., № 703, стк. 87—117 и 134—164). С другими отраслями производства, не упомянутыми в этом документе, очевидно, также обстояло не лучше.

Другой документ конца III в. до н. э. из тебтюнисского папируса № 834 содержит список домов довольно большого местечка, в котором были и двухэтажные дома. Многие из них были пусты, покинуты жителями. Список был составлен с фискальной целью, и большую часть домов пришлось освободить от уплаты налога. Этот частный случай упадка населенного пункта конкретно иллюстрирует и дополняет ту картину общего разорения, фискального нажима, бюрократизма, арестов беглых жителей, покинувших свои занятия, беглых египетских воинов ($\mu\acute{\alpha}\chi\eta\mu\omicron\iota$) и моряков ($\nu\alpha\upsilon\tau\eta\iota$), которая выясняется из тебтюнисского папируса № 703.

Это тяжелое положение в стране нельзя связывать только с войнами, как это делает Ростовцев (ук. соч., II, стр. 407). Как ни губительно было влияние бесконечных войн, все же истинной причиной экономического оскудения Египта были не войны, а хозяйничание завоевателей-рабовладельцев, постоянное выкачивание средств у населения в интересах небольшой привилегированной группы; не следует забывать, что войны велись также исключительно в интересах господствующего класса. Совершенно неверно и другое утверждение Ростовцева, который считает, что Филопатор осуществил переход во внутренней политике от господства над «туземцами» к союзу с ними (ук. соч., II, стр. 708—709). Речь шла лишь о попытке завоевателей использовать в своих целях местное жречество. Это была попытка объединения, концентрации классовых сил рабовладельцев перед лицом неизбежно надвигавшегося экономического и социального кризиса. Чистых «эллингов» давно уже не было ни в Египте, ни в других соседних эллинистических странах. Сформировался единый класс эксплуататоров-рабовладельцев, называвшихся «эллинами», и класс эксплуатируемых, состоявший из рабов и различных категорий «свободного» трудящегося населения.

Уступки Филопатора в пользу армии были столь незначительны, что вслед за победой вспыхнуло большое восстание бывших египетских фалангитов. Это была ожесточенная классовая борьба трудящихся масс угнетенного и эксплуатируемого населения, часть которого превратилась в воинов. Как известно, восставшие боролись против «эллингов», среди которых оказались и египетские жрецы, против которых восставшие боролись с не меньшим ожесточением, чем против основного врага. Как сообщает Полибий (V, 107, 1 — 3), восстание вспыхнуло стихийно. В этом, очевидно,

и заключалась его слабость. Аристократ Полибий, вообще отрицательно относящийся к движению трудящихся масс, отмечает жестокость, с которым велась эта внутренняя война, состоявшая из «жестокостей и подлостей с обеих сторон» (Polyb., XIV, 12, 4 — 5). Никаких замечательных сражений, сообщает далее Полибий, в этой борьбе не было. Это подтверждается и отдельными папирусными текстами, восходящими к этому времени. Например, один текст (BGU, 1215) повествует о нападении на стражу, охранявшую виноградники. Однако не все население деревни поддержало нападавших, и через некоторое время им пришлось отступить в пустыню. Интересно, что объектом нападения явились виноградники, т. е. земли, принадлежавшие более или менее привилегированным слоям населения. Это обстоятельство указывает на социальный состав восставших — очевидно, в массе своей бедных *βασιλικῶν γεωργῶν*. Именно поэтому, вероятно, не все жители соседней деревни поддерживали восставших. Классовый характер движения очевиден. Это хорошо согласуется с известиями о нападениях повстанцев на жрецов и храмы, о чем упоминают и папирусы и надписи. Иероглифическая надпись в Эдфу¹ сообщает о том, что восставшие захватили храм и владели им долгие годы, что и задержало окончание его постройки. Об окончании восстания, и то, как оказалось, временном, сообщает только Розетская надпись от 196 г. до н. э., — торжественный декрет египетских жрецов по случаю победы царя Эпифана над восставшими еще при его отце Филопаторе египтянами, которые «творили несправедливости по отношению к храмам» (OGIS, 90, стк. 24). Среди восставших были туземные воины (*μῆχιμοί*) (стк. 19), которые упоминаются уже и в тебтунисском папирусе № 703. Восстание было велико и продолжительно. Борьба велась в Нижнем и Верхнем Египте и даже привела к временному отпадению последнего при поддержке Нубии. Но не все египтяне примкнули к восстанию. Ряд посвяtitельных надписей, относящихся к этому периоду, адресован Филопатору не только греками, но и египтянами. В то время, когда угнетенная и эксплуатируемая масса ведет свою упорную, трагическую борьбу, Птолемей IV Филопатор, облакаемый жрецами в атрибуты древнего фараона, осыпает их своими благодеяниями; то же самое наблюдается и в царствование его сына Эпифана. Но Филопатор не только усваивает внешние египетские формы. Он не забывает и о греках. Он стремится усилить культ Диониса — мифического предка династии Птолемеев. Перед нами лавирование рабовладельческого правительства, концентрирующего свою узкую социальную опору в условиях растущего пассивного и активного сопротивления эксплуатируемой массы населения. Греко-македонское завоевание временно переместило центры развития рабовладельческого общества. Процесс повторился на высшей ступени, объединив обширные пространства государств древнего Востока. На их территории, наряду с развитием форм античного рабства, эксплуатировались по праву завоевания огромные массы местного трудящегося населения. Для угнетения последнего использовались пережитки первобытно-общинных отношений, ограничивавшие земледельцев и ремесленников, обязывавшие их, например, к обязательному участию в ирригационных работах и к исполнению других повинностей, некогда необходимых для существования общины, а теперь превратившихся в фискальную обязанность по отношению к государству. Противоречия быстро нарастали. Усовершенствованная организация эксплуатации, созданная опытными греко-македонскими завоевателями на базе использования относительной отсталости древневос-

¹ J. Dümicke, Bauerkunde der Tempelanlagen von Edfu, AZ, 1870, стр. 3, с—9, табл. II.

точного рабовладельческого общества и опыта рабовладельцев античной Греции, привела эллинистический Египет от подъема к упадку уже в конце III в. до н. э. Подробное конкретное марксистское изучение форм эксплуатации в эпоху эллинизма массы производителей — бедняков и рабов, которое благодаря папирусам становится возможным по отношению к эллинистическому Египту, изучение форм классовой борьбы на этом же материале — важнейшая задача советских историков античности, потому что «...история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества»¹. В этом указании товарища Сталина содержится ключ к разрешению сложнейших проблем истории эпохи эллинизма, одну из которых затронула настоящая статья.

